

Иное мышление

Ульяновская писательница Ирина Богатырева выпустила новый роман в издательстве "ЭКСМО". Книга "Кадын" – о мифологическом мышлении алтайцев, их преданиях и быте.

Автор книг "АвтоSTOP", "Товарищ Анна", "Луноликой матери девы" издала новый роман, который дорабатывался в течение семи лет. "Кадын" посвящен Алтаю и написан под впечатлением от поездки автостопом по этой республике.

Ирина родилась в Казани, но выросла в Ульяновске. Сейчас живет в столице. Закончила Литературный институт им. М. Горького. Рассказы и повести писательницы переводились на английский, китайский, голландский, шведский, итальянский, арабский языки. Она – автор литературной обработки сборника алтайских народных сказок "Рыжий пес", дипломант премии "Эврика!", финалист премии "Дебют", лауреат премии журнала "Октябрь", многих других литературных конкурсов. Ирина – член Союза писателей Москвы и российского "Пен-клуба". Играет

тайгу и, прежде чем пить, говорит с ручьем. Они могут сказать, в какие места тебе нельзя идти. "Миф" – то, что постоянно их окружает, и они не относятся к этому с мистическим трепетом. Совершенно обычные деревенские люди. Переключиться на мифологическое мышление – очень интересный и полезный опыт. Выйти из своего образа жизни, и не просто увидеть "иное" со стороны, а войти в него, попытаться понять. Десять лет воспоминания "бродили" у меня в голове, и формировался внутренний стержень. Я уверена, что вернулась оттуда совершенно другим человеком, познавшим иное мышление.

– Есть ли какой-то момент из этой поездки, к которому вы часто возвращаетесь, осмысливаете?

– Этот момент связан с походом на Шавлинское озеро, которое находится в горах. Для меня – первый поход, до этого я никуда не ходила с рюкзаком, не жила в палатке. Мы поднялись на озеро, и я подвинула ногу. Была не в состоянии спускаться вниз, и мы несколько дней жили на этом озере. Компания разошлась, не став дожидаться меня, я осталась только с молодым человеком. И это было очень необычное состояние – я не могла ничего делать. Я привыкла рассчитывать на себя, а тут такая ситуация, в которой можно отойти от палатки не более, чем на три метра, и часами сидеть возле озера. Это было время абсолютной тишины, когда ты можешь только смотреть, осознавать, ощущать этот мир. Мы находились на высокой точке, дальше ходили только альпинисты, и я чувствовала чистое состояние природы, духов, о котором говорили алтайцы. И если бы этого со мной не произошло, то поход был бы совсем другим. Я стараюсь возвращаться в то

состояние и вспоминать, как это было. Московский ритм давит, но все же мне удается, когда я пишу.

– В одном из интервью вы говорили, что для вас важны знаки, которые посылают вам жизнь. А какие знаки были в той поездке?

– В той поездке все было знаком. Сам по себе факт того, что мы туда доехали, открытие Алтая, открытие себя через Алтай... Меня часто спрашивали, встречала ли я шаманов. На Алтае это табуи-

рованные люди. В Туве, в Бурятии люди зарабатывают шаманством себе на жизнь. В Туве даже есть шаманские фирмы. Может быть, звучит смешно, но это факт. На Алтае же люди могут знать, что у человека есть способности, но не говорить об этом. А если кто-то рекламирует себя, это выглядит странно. Интересно, что у алтайцев существуют такие представления: если у ребенка проявляются сверхспособности, он видит духов, то они пытаются его от этого оградить. Считается, что шаманство – слишком тяжелая ноша, перестраивающая всю жизнь. Поэтому ребенка ведут в церковь и крестят. Но у кого-то это "не проходит".

– Истории встреченных вами сказителей вошли в "Кадын"?

– Сюжет строится на письменном алтайском эпосе. Он древний; сказителей, которые делились им с людьми, уже нет в живых. Это народный эпос о двух девушках-богатырках. Одна из них очень боевая, а вторая пытается быть политиком и решать проблемы дипломатическим путем. Но помимо этого в книге есть и другие мотивы – в том числе услышанные мной на Алтае. У алтайцев много легенд, связанных с определенными местами – озерами, горами. Их было интересно собирать и потом перерабатывать.

На Алтае вскрытые курганы встречаются буквально на каждом шагу. Алтайцы ощущают себя хранителями курганов, хранителями памяти своих предков. На Алтае не обязательно ходить в музей, ты так или иначе будешь сталкиваться с древностью. Сейчас кажется, что это место далеко от цивилизации, а когда-то Алтай был важным перевалом, частью Великого Шелкового пути, там успели побывать многие другие народы. Находясь там, ты отчетливо это ощущаешь.

– Критик Валерия Пустовая пишет, что в романе "Кадын" вы указываете коллективные ценности, без которых невозможна человеческая самореализация и которых так не хватает в современности. Что это за ценности?

– Глубоко в нашем сознании есть коды, которые действуют и сейчас. В "Кадын" делается большой акцент на обряде инициации – когда подросток становится взрослым человеком. Это ключевой этап жизни человека для любой древней культуры. "Смерть" и полное перерождение. Человек рождается дважды: первый раз физически, второй – духовно. Мы такого практически лишены. Тем не менее, я уверена, что каждый человек в жизни способен отследить момент, в который он сказал себе "да, я стал взрослым". Момент, перевернувший сознание. Для меня это был Алтай. После него я перестала быть ребенком. Имеется в виду неспособность брать ответственность за самого себя. Может быть, вам доводилось встречать людей, которые прожили до старости в прострации, так и оставшись чем-то непонятым. Такие люди не живут, а существуют. Просто в их жизни не случилось что-то важное или, скорее, они сами не позволили этому случиться. А ведь без этого невозможен духовный рост. Невозможно движение в "зоне комфорта".

– Как вы думаете, во что переродилось мифологическое мышление наших предков? Нашло оно новые формы или ушло, безвозвратно исчезло?

– Люди все больше теряют способность запоминать. Мы рассчитываем на то, что в любой момент можем посмотреть нужную информацию в Гугле. А наши предки помнили наизусть огромные эпосы, километры текста и в письменности не нуждались. Есть даже такая шутка, что первый отход человека от настоящего знания – появление письменности.

Недавно я начала ходить в фольклорный ансамбль, занялась пением и обратила внимание на интересную деталь – как люди запоминают тексты песен. У них в голове фантастический запас песен, но при этом девочки, которые учатся сейчас в школе, не могут выучить стихи – для них это большая проблема. Я по себе замечаю, что подсознательно запоминаю песни со второго раза, но если спросить меня сейчас их текст, то я не вспомню. Мне кажется, мы все способны подключаться к "информационному полю", но совершенно этим не пользуемся. Раньше для людей было жизненно необходимо помнить песни, и они использовали эту способность.

В песнях содержатся жизненно важные коды, ориентиры, вроде той информации об инициации. И когда ты поешь, они в тебе раскодируются. Ты начинаешь подсознательно понимать, как правильно воспринимать этот мир.

– Поэтому вас заинтересовала музыка и игра на варгане?

– Все стараются "очиститься" от цивилизационной надстройки, но идут к этому разными путями. Мало просто играть на варгане, нужно перенести себя современного в ту эпоху, потерять себя. Позволить тому, что идет оттуда, в тебя проникнуть. Попасть в ту тишину перед озером, о которой я говорила, и не бояться этого. Подругому никак. Раньше выйти на сцену с инструментом было тяжело, и я заперла первые выступления. А сейчас я могу войти в это состояние и делать то, что хочу. Этой свободы я добивалась очень долго.

– Некоторые считают, что ваша книга близка к детской литературе. Мне вспомнился Лев Толстой и его рассуждения об искаженном сознании "взрослых людей", не понимающих истинных ценностей. В этом ли плане роман "детский"? В своей искренности и прямоте?

– Да, вы правы. Хотя и дети все больше начинают играть во "взрослые" игры, увлекаются в них в самом раннем возрасте. Взрослому, наверное, во многом даже проще погрузиться в мир "Кадын", осознанно перешагнув ментальный барьер, потому что внимание детей рассеяно, им это скучно и неинтересно. Но в главном вы правы, это совершенно незамутненное восприятие, когда ты смотришь на мир и не думаешь о том, "как на меня посмотрит вот этот человек, если я сделаю вот так".

Возможно, следующим пунктом путешествий Ирины, хоть уже и не автостопом, станет Поволжье, которое она еще не исследовала. Сюжет ее будущего произведения связан с фольклором и "пока меняется каждый день".

Елена ПЛОТНИКОВА.

на варгане в дуэте "Ольхонские ворота".

– Вы поехали на Алтай автостопом, когда учились в Литинституте. Что больше помогло потом писать – поездка или творческие семинары в "Лите"?

– Для литератора, как оказалось, жизненный опыт важнее, чем любая учеба. Все-таки "Лит" – это лишь часть филологического направления. Он дает вход в современную литературную жизнь, но опыт незаменим. Жизнь показывает, что не так много выпускников Литинститута остаются в писательской профессии. Могут по пальцам перечесть, кто из моего поколения продолжает писать. Раньше в литературный институт нельзя было поступать после школы. Это были курсы для людей с опытом и уже полученным образованием. Для меня "Лит" – платформа, он дал мне базовые знания. Судьбоносной стала поездка на Алтай. Автостоп – прекрасная возможность узнать страну. Когда мне было двадцать, я в первый раз вышла на дорогу и просто начала общаться с людьми. Ходила по своей стране буквально ногами. Благодаря этому я начала понимать разные стороны жизни, в которых еще никогда не обреталась.

В начале 2000-х на Алтае все было иначе: меньше туристов и коммерции. Иначе, чем автостопом, перемещаться было невозможно – транспорт, доставляющий из одной деревни в другую, отсутствовал. Мне повезло встретиться с настоящими хранителями древней культуры скифов. Я много общалась с кайчи – так называют на Алтае сказителей, владеющих горловым пением. На тот момент у них еще было живо ощущение "литературы до литературы". Живого эпоса, который рассказывается несколько дней. К сожалению, сказителей почти не осталось. Какое должно быть у человека отношение к жизни, чтобы так воспринимать мифологию? Алтайцы по-другому мыслят и видят мир. Я для себя называю это мифологическим мышлением. Когда мы говорим о вещах, которые для них естественны, часто впадаем в некий мистицизм или, наоборот, скептицизм. А для них это просто реальность. Например, человек выходит в